

УДК. 316.343.652

В. В. Михайлов

БАЗОВЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

В статье говорится, что классификация конкретного социального ограничения является делом не совсем простым, но вполне осуществимым. Подобная классификация позволяет связать любое конкретное социальное ограничение с абстрактной системой философских категорий в целях его лучшего понимания и выявления его взаимосвязи с другими социальными ограничениями.

Ключевые слова: интеллигенция, возможность, действительность, категория.

Социальные ограничения можно определить как системную совокупность явных и скрытых социокультурных правил и норм, моделей поведения, стереотипов мышления, средств, способов, а также результатов самовыражения людей, которыми они сознательно или бессознательно, подчиняются и за пределы которых они не могут или не хотят выходить даже в случае необходимости для них самих или общества, в котором они живут. При этом средствами, способами и результатами самовыражения людей, а значит и социальными ограничениями, могут выступать как идеальные правила и нормы, так и продукты материальной культуры.

Если социальные ограничения представляют собой систему, то для их изучения логичным и целесообразным будет применение метода системного анализа. Системный подход в различных своих вариантах проявлялся в учениях очень разных мыслителей. Н.О. Лосский своё понимание системности выразил так: «Органическое и неорганическое миропонимание вот главные противоположности, разделяющие представителей различных философских учений... Встретившись с сложным целым, которое можно разделить, ...сторонник неорганического миропонимания стремится понять его как составленное из элементов ...считая их способными существовать самостоятельно, совершенно независимо друг от друга, и от целого, в котором они найдены... Сторонник органического мировоззрения понимает всякую множественность и целостность, прямо противоположным способом. Первоначально существует целое, и элементы способны существовать и возникать только в системе целого. Поэтому нельзя объяснить мир как результат прикладывания А к В...: множественность не образует целого, а, наоборот, порождается из единого целого». Действительно, из неорганического, несистемного подхода объяснить социальные ограничения будет затруднительно, так как отдельные ограничения будут представлять собой лишь легко обходимые фрагменты границы. Социальные ограничения, понимаемые атомистически и номиналистически, не будут ограничениями в подлинном смысле, ибо существующее между ними «пустое пространство» уничтожает непроницаемость границ. Поэтому понимание социальных ограничений как действительно

существующего и ограничивающего явления побуждает нас рассматривать их именно как систему, то есть «взаимодействующую совокупность компонентов, связей и отношений, объединённых единой функцией». При рассмотрении системы социальных ограничений необходимо также учесть диалектику её статических, относительно постоянных и динамических, изменяющихся и развивающихся характеристик.

Попробуем вначале выявить и описать статические свойства системы социальных ограничений. Эти свойства могут быть классифицированы на основе некоторых общеизвестных парных философских категорий. В частности, социальные ограничения могут быть определены как объективные и субъективные, материальные и идеальные, качественные и количественные, внешние и внутренние, вещные и человеческие. Конечно, этот перечень категорий может быть существенно расширен и дополнен, однако, в целях сохранения принципов открытости и дополнительности в данной работе этими категориями можно ограничиться, ибо в данном случае важен, прежде всего сам методологический принцип их классификации и пример его применения, который может быть дополнен и расширен.

Наиболее важным, на мой взгляд, является подразделение социальных ограничений на объективные и субъективные. Объективные социальные ограничения можно определить как такие, которые предопределены независимыми от общества и его управляющей сферы факторами, то есть объективные социальные ограничения являются производным, результатом вне - и надсоциальных влияний. К надсоциальным факторам влияния на общество можно отнести его биологические, природно-климатические, геокосмические (энергоинформационные, физические, химические) и прочие детерминанты. Это внешние, природно-космические, а для некоторых мыслителей и трансцендентно-провиденциальные факторы влияния на социальную систему. Эти внесоциальные влияния, становящиеся причиной объективных, то есть относительно независимых от воли людей социальных ограничений исследованы достаточно полно и широко. Главной методологической ошибкой авторов этих исследований была лишь абсолютизация их результатов и попытки организовать на их основе социальную деятельность и сделать социальные прогнозы.

Концепция природно-географического детерминизма разрабатывалась, начиная с античности. В Новое время этот подход был возрождён Ш. Монтескье, реализован в работах Л.Н. Гумилёва. Для современной России в этой связи актуальна работа А.П. Паршева, в которой он показал, что проблемой современного общества является непонимание объективного характера природно-географических ограничений и нежелание учитывать их в социальной практике, приводящее к социальным неудачам и техногенным катастрофам.

Факторы биологического детерминизма общества, изученные биологией и смежными дисциплинами, получили своё выражение в работах социал-дарвинистов (Л. Вольтман и др.), расологов (Г. Гюнтер, В.Б. Авдеев), социобиологов (К. Лоренц), фрейдистов, биополитиков (А.Г. Зуб), философов жизни (А. Бергсон, О. Шпенглер, М. Шелер), антропологов (Б.Ф. Поршнев, Б.А. Диденко) и других авторов. В этих

работах показано влияние биологических особенностей человека на его социальную жизнедеятельность, социальную структуру общества и многое другое. Многие из этих работ малоизвестны, другие замалчиваются по идеологическим мотивам, несмотря на их важность. «Борьба ... с расизмом сыграла очень злую шутку с человечеством, оказав ему медвежью услугу. Несмотря на свою очевидную гуманистическую сущность, априорное признание людей единым видом застопорило научную мысль, поставило ей преграды... всякие сомнения в биологическом единстве человечества признавались расистскими и отменялись с порога».

Влияние космических факторов на человечество признавалось Платоном, Птолемеем, И. Кеплером и помимо многочисленных астрологов исследовалось Х. Аргуэльесом, Л.Н. Гумилёвым, А.Л. Чижевским и другими авторами, которые убедительно доказали наличие этих влияний. Влияние этих факторов на социум подобно биологическим, также преувеличивалось или замалчивалось. Более взвешенный подход к этой проблеме демонстрируют некоторые современные российские учёные: «Следует понимать, что если в астрологии видеть науку об энергоинформационных ритмах взаимодействия Космоса, Земли, её биосферы и живущих людей, то астрология даёт прогнозы наиболее вероятного развития процессов в молчаливом предположении об отсутствии (или заблокированности) самопроизвольной сколько-нибудь эффективной управленческой реакции на неприемлемые прогнозы и неприемлемое течение событий со стороны тех, в отношении кого даётся прогноз; также часто в молчаливом предположении игнорируется и возможность целесообразной управленческой реакции на сам факт прогноза... По отношению к бездумно доверчивой толпе такое программирование психики прогнозами (реальными и мнимыми) – одно из средств управления ею. Астрологический прогноз – это более-менее точный прогноз внешних и внутренних обстоятельств..., но не прогноз-предопределение управления реагирующего на эти обстоятельства человека. Человек на прогнозы и обстоятельства реагирует по его нравственно обусловленной духовности».

Провиденциальные влияния на общество рассматривались в разнообразных религиозно-философских построениях и концепциях, например, у Гегеля, где в роли подобного фактора выступает Мировой дух. Близкие идеи можно найти у Платона, Августина, в русской религиозной философии. Относительно этого влияния можно заметить следующее. Если рассматривать бога как нечто всеобщее, то его влиянию можно приписать любое событие с неизвестной причиной. Например, к области божественных влияний могут быть приписаны низкочастотные циклические влияния космоса на Землю и человечество. То есть провиденциализм оказывается универсальным и безотказным объяснением всего иначе не объяснимого. С другой стороны, если признавать бесконечность процесса познания, то божественно-непознанное всегда будет оказывать какое-нибудь влияние, возможное как в форме неизвестных высших сил, сознательно управляющих миром, так и в форме бессознательной материи функционирующей по неким законам. Поэтому, провиденциальное влияние, порождающее те или иные социальные ограничения можно обозначить в качестве некоего неизвестного X-фактора, неустраняемого

иррационального остатка, превосходящего любую научно-рациональную модель. Отказываться от этого фактора нельзя, т. к. в этом случае построенная модель приобретёт закрытый, недополняемый и, следовательно, неадекватный исследуемому явлению характер.

В каждом конкретном случае для выяснения объективности или субъективности конкретного социального ограничения необходимо установить его связь с внесоциальными влияниями, что может представлять проблему. Следует также учесть, что объективный характер социальных ограничений не означает их абсолютного детерминизма, так как внесоциальные влияния могут быть изменены в ходе сознательной и бессознательной деятельности людей. Болото может быть осушено, пустыня орошена, между морями прорыт канал, что приведёт и к изменению соответствующих этому природному состоянию социальных ограничений.

Субъективные социальные ограничения, напротив являются результатом свободного и произвольного волеизъявления и деятельности людей в обществе. Например, Х. Аргуэльес писал: «Поскольку 12-месячный календарь не созвучен с годовыми биоритмами человека, живущего в гармонии с биосферой, то и часы не имеют ничего общего с измерением ритмов природы. Их функция – измерение отрезков пространства, которые, в случае их проецирования на отрезки времени, обретают некую ценность в качестве денежных единиц. Действительно, деньги не растут на деревьях; они – плоды искаженного времени». В данном случае социальные ограничения, основанные на биоритмах человека, являлись бы объективными, а социальные ограничения связанные с искусственным социальным временем являются субъективными. Как можно догадаться из данного примера, объективные социальные ограничения могут находиться как в гармонии, так и в конфликте субъективными. Однако в экологически ориентированном обществе все социальные ограничения должны быть согласованы с природными влияниями на него, иначе гармония с биосферой невозможна. В современном же обществе напротив, наблюдается гипертрофия субъективных социальных ограничений, не имеющих иной необходимости кроме волюнтарной, а потому зачастую излишних. Современное общество, в отличие от древних биогенных цивилизаций можно назвать субъективно социально ограниченным. Так как объективные социальные ограничения в таком обществе всё равно дают о себе знать, даже несмотря на конфликт с субъективными социальными ограничениями, то общая сумма социальных ограничений оказывается, как это не парадоксально большей, чем в древности. В результате, в современном мире проявляется тенденция к возрастанию социальной ограниченности.

Другой парной категорией социальных ограничений являются материальные и идеальные ограничения. Материальные социальные ограничения представляют собой артефакты материальной культуры, предметы, вещи и прочие творения человека, изготовленные из вещества и имеющие пространственное измерение и их производные, например, техногенные излучения, электромагнитные поля и т.п. Конечно, этим продуктам материальной культуры может придаваться и какой-то другой, в том числе и прямо противоположный ограничительному смысл, тем не

менее, в них всегда присутствует какой-то социально ограничительный потенциал. Этот потенциал может быть направлен не только внутрь социума, на человека, но и на природу, космос. Например, забор может мешать не только людям, но и животным и растениям. Так как все материальные изделия и их производные состоят из добытого в природе вещества или результатов его вторичной переработки, то этот вид социальных ограничений тесно связан с объективными социальными ограничениями, является одним из их выражений. Однако материальную культуру нельзя полностью подвести под определённые выше объективные социальные ограничения, т. к. она часто является результатом субъективной активности людей, не обусловленной прямо объективными влияниями среды.

Идеальные социальные ограничения связаны с духовной культурой, идеальным непространственным миром идей, воображения, ценностей, целей и планов. Идеальные социальные ограничения задают обществу его ценностно-целевую, програмно-концептуальную детерминацию. Идеальные социальные ограничения в большей степени соотносимы с категорией субъективных социальных ограничений. Конечно, их можно считать и объективными социальными ограничениями, обусловленными влиянием внешней материальной среды на сознание через механизм отражения им материального мира. Однако в природе социальных ограничений нет, а потому и отражать их из неё сознание человека не может. Именно поэтому в их формировании большую роль играет духовное творчество. Можно «объективизировать» идеальные социальные ограничения посредством апелляции к их провиденциальной детерминации, однако, согласившись считать провиденциальные влияния фактором всеобщей неизвестности, мы не можем ни положительно, ни отрицательно ответить на этот вопрос.

В качестве примера идеальных социальных ограничений можно привести нравственно-этические, правовые нормы, эстетические установки, планы, проекты, научные парадигмы и модели. Все они устанавливают правила «социальной игры», тем самым, задавая и её ограничения.

В зависимости от общей мировоззренческой установки на идеализм или материализм в различных религиозных и философских системах отдавался приоритет материальным или идеальным социальным ограничениям. Наиболее ярко установка на приоритетность материальных социальных ограничений проявилась в марксизме и у современных технократов: Ж. Аттали, Д. Белла, З. Бжезинского, и др. «Человеку свойственно признавать единственно реальным то, что он считает самым ценным и желанным... Таков источник материалистического мирозерцания: теоретический материализм опирается на практический материализм, а практический материализм выражает самочувствие эпохи: самое ценное – это произвести как можно больше продуктов и товаров. Отсюда вытекает, что индустриальная цивилизация есть самая высокая и ценная: мы должны содействовать индустриализации. В этом состоит смысл «исторического материализма». Он выражает не законы движения материи..., он устанавливает задачи человеческих действий и оценивает их». «Маркс считал индустриализм абсолютной ценностью. Весь пафос его «экономизма» черпается не из того, что так

было и так будет, а из того, что так всегда должно быть», - писал Б.П. Вышеславцев. Сходные установки присутствуют и у современных технократов. «Функции регулирования, а значит и воспроизводства, уже являются и будут далее всё более отчуждаться от управляющих и передаваться технике», - считает Ж.-Ф. Лиотар. Действительно, как человеку не подчиниться технике, если она, по Марксу, определяет исторический процесс, который как полагает нововременное мышление, есть «прогресс», а, следовательно, чтобы достичь этого «прогресса» должно подчиниться технике.

Исходя из сказанного Б.П. Вышеславцевым, это мировоззрение можно определить как субъективный материализм (по аналогии с субъективным идеализмом Д. Беркли и Д. Юма). Это именно субъективный, социально ограниченный материализм, ибо, функционируя по законам своих механических часов, он забыл об объективной возможности жить в гармонии с биосферой и вообще развиваться другим путём.

Однако, субъективный характер этого материализма показывает его идеальные корни и подтверждает приоритет идеальных социальных ограничений. Чтобы создать предмет, нужно мышление, воображение и воля, которые в данном случае первичны, если же материальная культура первична, то неясно откуда она возникла, и можно предположить, что её «дали» человечеству материальные «боги». Но подобное воззрение является ничем иным как материалистической религией, которая, как писал К. Маркс, «есть опиум для народа». В этой связи интересно было бы разобрать секулярно-атеистические манипуляции массовым сознанием со стороны «жрецов» технократического культа, производимые ими ради сокрытия от сознания масс своей псевдорелигии.

Однако язык и мышление, которые являются границей общества и природы и первоосновой культуры не являются материальными, они идеальны.

С категориями материальных и идеальных социальных ограничений тесно связаны качественные и количественные социальные ограничения. Качественные социальные ограничения связаны с особенностями внутренней структуры явления, его образа, формы, свойств и т.п., а количественные социальные ограничения выражают общее и однородное в явлениях, степени интенсивности качественных проявлений. Ценности, этические нормы, научные парадигмы являются качественными социальными ограничениями и, соответственно связаны с идеальным. Количественные социальные ограничения – это те из них, которые поддаются измерению и подсчёту: количество денег, количество законов (сами законы – качественная форма социальных ограничений); они теснее связаны с материальным миром. В современном мире существует тенденция к повышению роли количественных социальных ограничений и ликвидации качественных социальных ограничений. Этот вопрос исследовал Р. Генон: «Количество есть одно из условий существования в чувственном и телесном мире; оно является даже среди всех условий одним из присущих в наибольшей степени этому миру... так что сведение качества к количеству по сути есть не что иное, как то самое «сведение высшего к низшему», которым кое-кто хотел весьма справедливо охарактеризовать материализм: претендовать на выведение «большого» из «меньшего» – это и есть на

самом деле одно из самых типичных современных заблуждений». Но Ж.-Ф. Лиотар считает иначе, утверждая, что знание может проходить по другим каналам и становится операционным только при условии его перевода в некие количества информации. Поэтому, пророчесствует Лиотар, всё непереводимое в количество будет отброшено, а направления новых исследований будут подчиняться условию их переводимости на язык машин. Социально ограничительные тенденции к диктатуре количества проявляются в таких явлениях как «восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет), безудержном росте народонаселения при неизбежном понижении его качественных характеристик, в тенденции к единообразию, ярко проявленной в феномене глобализации, засилье массовой псевдокультуры, «денежном тоталитаризме» (А.А. Зиновьев), стремящемся, подобно материалистической науке выразить и оценить всё в количественной форме. Таким образом, мы имеем тенденцию к усилению социальной ограниченности посредством редуцирующего сведения качественных ограничений и свобод к количественным.

«С того момента, как он утратил всякую действительную связь со сверхиндивидуальным интеллектом, разум может стремиться только к низу, ... и погружаться всё более и более в «материальность»; в такой же степени он мало-помалу утрачивает и саму идею истины и доходит до того, что стремится лишь к наибольшему удобству для своего ограниченного понимания, в чём он, однако, находит непосредственное удовлетворение вследствие самой тенденции к снижению, поскольку она ведёт его в направлении упрощения и сведения всех вещей к единообразию; он тем легче и скорее подчиняется этой тенденции, что её результаты, согласуются с его желаниями, и этот всё более быстрый спуск может в конце концов привести лишь к тому, что мы называли «царством количества», - писал Р. Генон. В нормальном обществе приоритет должен отдаваться качественным социальным ограничениям, а количественные должны быть им подчинены.

Следующей парой категорий являются внешние и внутренние социальные ограничения. Для человека внутренними социальными ограничениями являются усвоенные и принятые им нормы социального поведения, морально-этические, эстетические и прочие ценностные установки. Внешними социальными ограничениями для отдельной личности могут выступать общепринятые в той социальной среде, где эта личность пребывает нормы социального поведения. Для государства в роли внешних социальных ограничений могут выступать международное законодательство, мировое «общественное мнение», международные организации, другие государства, а внутренними социальными ограничениями – им же принятые законы, его собственная культура. Принципиальной разницы в существовании внешних и внутренних социальных ограничений для отдельной личности и «соборной личности» общества нет. При этом внутренние социальные ограничения являются более важными, чем внешние, с которыми они находятся в диалектическом взаимодействии. Для гармоничного самоощущения личности в обществе внутренние социальные ограничения должны максимально совпадать с внешними. Если этого нет, то у человека (общества) возникает состояние социального отчуждения, аномии, развивается психология

внутреннего эмигранта, со свойственными ей двойными стандартами и деструктивно-разлагающим отношением к внешнему миру. Это состояние характеризуется также ослаблением предсказуемости социального поведения личности или общества, так как внешние нормы соблюдаются только под угрозой наказания и под присмотром окружающих, когда же последние условия и угрозы отсутствуют, они немедленно нарушаются. Известный философ-правовед Н.Н. Алексеев писал: «Если бы возможно было полное, доходящее до отождествления проникновение государства правом, то все... нравственные силы поистине были бы обречены на полное угасание. И это было бы в то же время угасанием государства, превращением его в состояние принудительной тюрьмы, или в состояние неограниченной анархии». Таким образом, внешнее право должно проистекать из внутренней нравственности и традиций человека и общества и соответствовать им. С другой стороны, если внутренние моральные ограничения в обществе сильны, необходимость в детальном правовом регулировании отпадает, и это является позитивным фактом, так как любое законодательство механистично и не может учитывать всех деталей и обстоятельств каждого конкретного случая. Если же законодательные нормы прописаны нечётко и двусмысленно, то тогда закон можно повернуть в любую сторону. Своих социально-ограничительных функций такой закон выполнять уже не может. Единственным выходом из подобного правового тупика является повышение нравственности, обладающей необходимой гибкостью и справедливостью. Именно поэтому внутренние ограничения важнее внешних.

Однако внутренние культурные ограничения человек получает в процессе своего образования и воспитания от общества, то есть извне, при этом, склонность к принятию/непринятию различных социальных ограничений зависит во многом от врождённых способностей и особенностей человека. Именно поэтому одинаковые условия социальной среды не создают одинаковой реакции на них со стороны индивидов и не формируют одинаковых личностей. Человек может быть чистой доской только в смысле незаполненности новой информацией, но не в смысле реакции на неё. Если же мы согласимся с возможностью наличия в человеке осознанной родовой, реинкарнационной памяти или экстрасенсорной связи с внесоциальными источниками знаний, то вопрос формирования внутренних социальных ограничений становится ещё более запутанным. Однако на практике, такие люди, утверждающие наличие у них подобной памяти или способностей, встречаются редко. В господствующей культуре исследование этих вопросов маргинализируется и вытесняется потому, что эти темы выходят за рамки установленных актуальной культурой социальных ограничений и тем самым релятивируют её. В настоящее время эти темы (реинкарнации, жизни после смерти и т.п.) приобрели статус вечных и якобы неразрешимых вопросов, хотя с позиций обыденно-рассудочного сознания они действительно неразрешимы, на что указал ещё И. Кант. Другой вопрос, не является ли само это рассудочное сознание принципиально социально ограниченным и принудительно навязанным массам господствующей культурой? Р.А. Уилсон отвечает на этот вопрос положительно: «общество не поощряет развитие интеллекта у большинства людей, а скорее жёстко

программирует их сравнительную тупость, что необходимо для их максимального соответствия наиболее традиционным видам деятельности. Их контур биовыживания работает также, как и у большинства животных, их эмоционально-территориальный контур является типичным контуром приматов, кроме того, у них имеется немного «ума» третьего контура, необходимого для вербализации (рационализирования)». Согласно Р.А. Уилсону, большинство наших современников ограничено развитием 4-х из 8-ми возможных контуров сознания. Низший «оральный» контур биовыживания связан с кормлением и избеганием опасности, причём его активизация в форме биовыживательного беспокойства блокирует деятельность всех высших контуров (интересно в этой связи рассмотреть деятельность манипуляторов из СМИ, постоянно его активизирующих). Второй, эмоционально-территориальный контур подобно первому формируется в детстве и связан с отношениями власти (доминирования и подчинения), территориальными правами и эмоциональными играми (химически эти контуры активизируются алкоголем). Третий связывающий время семантический контур импринтируется культурой и символическими системами. Он обрабатывает и классифицирует окружающий нас мир в соответствии со схемами рассудочного мышления (этот контур по Р.А. Уилсону активизируется с помощью кофе и содержащих кофеин продуктов). В случае чрезмерной активизации этот контур «выходит из под контроля и перестаёт реагировать на информацию, идущую от всех остальных контуров. Вот почему большинство людей физически не выносит рационалистов». Четвёртый морально-социополовой контур импринтируется опытом оргазма и кондиционируется социальными табу. Он отвечает за определение морального/аморального, продолжение рода, формирование взрослой личности и воспитание потомства.

Высшие 4 контура сознания активизируются занятиями йогой, различными духовно-религиозными практиками; эти контуры позволяют соединяться с коллективным бессознательным (6-й), перепрограммировать другие контуры (7-й), овладеть предвидением и экстрасенсорным восприятием, для чего желателен внетелесный или околосмертный опыт (8-й). Именно эти контуры сознания позволяют выйти за рамки социальных ограничений, свойственных большинству обладателей четырёхконтурного сознания, составляющих, по оценке Р.А. Уилсона 70% населения Земли (причём у 50% населения даже 3-й контур полностью не развит). Пятый контур сознания развит у 20% населения, а шестой, седьмой и восьмой контуры развиты у 5%, 3% и 2% населения соответственно. Развитой моделью четырёхконтурного сознания является система И. Канта, в которой доступное высшим контурам есть непознаваемые «вещи в себе»; для ортодоксальных марксизма или фрейдизма высших контуров вообще не существует. Остаётся только размышлять о социально-ограничительных потенциалах подобных философий.

Проблема внутренней социальной ограниченности видится исходя из предложенного Р.А. Уилсоном объяснения, прежде всего как проблема преобладания среди людей тех, у кого преобладают животно-роботизированные структуры в психике.

Так в современном обществе реализуются внутренние и внешние социальные ограничения. Проблема различных строев психики или развития разных контуров сознания в данном случае является ключевой, т.к. именно этот фактор в конечном итоге определяет главное в системе внешних и внутренних социальных ограничений. Культурные, природно-географические и биологические различия, определяющие систему социальных ограничений отходят на второй план как инструментальные, ибо очевидно, что именно строй психики предопределяет основные ценностно-целевые детерминанты. Поэтому, обладатели одинаковых строев психики из разных культур внутренне могут быть более близки друг другу, чем обладатели разных строев психики из одной культуры.

В завершение рассмотрим вещные и человеческие социальные ограничения.

Человеческие социальные ограничения – это такие внутренние и внешние, материальные и идеальные, качественные и количественные, субъективные ограничения, которые исходят от людей, а вещные ограничения – это такие материальные и идеальные, внутренние и внешние, количественные и качественные, объективные ограничения, источником которых являются вещи. В данном случае под вещами будут пониматься, прежде всего, артефакты материальной культуры изготовленные человеком. Это означает, что вещные социальные ограничения являются сугубо вторичными, а первичными в этой паре являются человеческие социальные ограничения. Идеальные, внутренние вещные социальные ограничения – это по сути отношения человека порождаемые на первый взгляд материальными вещами, а на самом деле – отношением человека к ним. Подобные ограничения являются в принципе иллюзорными, хотя те, кто их испытывает, могут полагать, что это не так. Такой иллюзорной формой вещной зависимости являются, например, социально наведённые ложные потребности в вещах, без которых можно на самом деле обойтись и отсутствие которых субъективно воспринимается как социальное ограничение. Проблема ложных вещных потребностей хорошо разобрана в работе Г. Маркузе «Одномерный человек», где показано, как потребительское общество, где производитель ориентирован исключительно на прибыль, вынуждено искусственно создавать вещные потребности с помощью постоянно меняющейся моды, рекламы и системы сложной вещной взаимозависимости, когда для успешного функционирования одной вещи нужно приобретать вторую, третью и т. д. В результате современный человек обычно окружён массой мнимо нужных вещей, поглощающих его время, силы и тем самым препятствующих его дальнейшему личностному развитию. Вещи логикой своего функционирования незаметно заставляют человека приспособляться к ним, обслуживать их, жить в их ритме, тем самым, порабощая человека.

Конечно, на это можно возразить, что вещные социальные ограничения имеют объективный и материальный характер, так как вещи могут быть необходимыми для добычи пропитания, строительства жилища, защиты от холода, орудиями труда. Однако, животные, как известно, успешно живут и выживают и без изготовления орудий труда и при их минимальном использовании, так что их вещная зависимость минимальна либо вообще отсутствует. Это свидетельствует о том, что вещная

зависимость в первую очередь связана с развитием соответствующих потребностей, а не с необходимостью выживания, питания и размножения. При этом потребности могут иметь как демографически обусловленный (еда, одежда, жилище), так и деградиционно-паразитарный (наркотики, алкоголь, извращённый секс) характер. Предлагая изменить структуру потребностей с материальных на духовные и избавиться от вещной зависимости, Христос в Новом Завете учит: «Никто не может служить двум господам... Богу и Маммоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего во что одеться. Душа не больше ли пищи, а тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?... Ищите же прежде Царства Божия и правды Его и это всё приложится вам». Сходные рекомендации мы можем найти у Лао-цзы, в индуизме, буддизме и других религиозно-философских традициях. Означает ли это, что они предлагают нам вернуться в животное состояние? На этот вопрос следует ответить отрицательно: предлагается не возврат в животное состояние, а альтернативный путь развития биогенной нетехнократической цивилизации, позволяющий развить высшие уровни сознания и психофизических способностей.

У М. Хайдеггера феномен вещной зависимости обозначен термином «постав». Постав – это тенденция к тотальному опредмечиванию, материализации всего возможного. Не желая жить в гармонии с природой, европейское человечество для преодоления природы мыслимой как ограничение, придумало и стало реализовывать технократический постав, который должен был по замыслу его творцов освободить их от природных ограничений. Но, европейская цивилизация, как отмечал М. Хайдеггер, одержимая волей к власти и волей к воле в итоге сама попала в зависимость от этого постава. Фактически этот путь развития цивилизации провалился и зашёл в тупик, ибо, не сняв природных ограничений, он привёл к усилению вещной зависимости, создав вместо одной две конфликтующие друг с другом зависимости от природы и техносферы.

О. Тоффлер признаёт, что «развитие технологии не обязательно равнозначно «прогрессу», и, если не будет постоянно контролироваться, может уничтожить все достигнутые результаты». (При этом следует учитывать, что технология, до её материализации в изделия является не вещным, а человеческим социальным ограничением).

Казалось бы, развитие техники и технологии действительно могло бы сделать общество богатым и дать массам свободное время для творчества и развития своих способностей, превратив вещные ограничения в возможности свободы, как полагали К. Маркс и его последователи. На деле этого не произошло и не могло произойти, потому что технотронное (З. Бжезинский) общество далеко не в последнюю очередь озабочено своим воспроизводством и самосохранением, которые и побуждают его воспроизводить «одномерных людей» не способных к творчеству и саморазвитию. Причина этого в том, что его «прогресс» направлен исключительно на «совершенство техники» (Ф.Г. Юнгер), сам же человек выступает в качестве ресурса для этой цели наряду с природными ресурсами. Развивая идеи М. Хайдеггера можно сказать, что техника является возмездием

бытия человеку за подчинение и разрушение природы. Как человек потребляет, подчиняет и разрушает природу, так и его потребляет, подчиняет и разрушает техника. В этом смысле сюжеты, подобные американскому к/ф. «Матрица» не антиутопия технократического будущего, а уже реализованная реальность. Необходимость поддержания и воспроизводства технократической цивилизации является причиной, требующей удерживать основную массу населения в «одномерном» состоянии. Не сложно догадаться, что если у большинства активизируются высшие контуры сознания по модели Р.А. Уилсона – Т. Лири, то оно скорее выберет цели и идеи Христа, Лао-цзы, М. Хайдеггера, а не Ф. фон Хайека, К. Маркса и Д. Белла; может быть, оно выберет и что-то иное, но маловероятно, что оно выберет рутину своего одномерно-механистического существования, скрашиваемого телевизионными иллюзиями и активизацией низших контуров сознания с помощью алкоголя или кофе. Вообще является вопросом, сможет ли современная цивилизация поддерживать свою социальную стабильность без алкоголя, табака, кофе, транквилизаторов, наркотиков и какую роль сыграло их широкое распространение в формировании модернистского сознания. Так, в России введение ограничений на продажу алкоголя в 1914 и 1985гг. совпало с кануном крупных социальных потрясений.

Таким образом, современная технократическая цивилизация является во многом цивилизацией вещных социальных ограничений, которые она сама создает, и сама же им подчиняется. Вещную социальную ограниченность создаёт и обслуживает идеология материализма. Абсолютизацию вещных социальных ограничений мы находим в идеологиях механистического материализма (Т. Гоббс, Ж. Ламетри), марксизме, у современных технократов и постиндустриалистов, хотя сами эти идеологии являются не вещными, а человеческими ограничениями. Человеческие ограничения, по сути, тождественны социальным ограничениям, ибо общество это совокупность людей и все ограничения исходят от них же самих, поэтому специально рассматривать человеческие социальные ограничения не имеет смысла.

Таким образом, каждое конкретное социальное ограничение как правило попадает под несколько базовых форм социальных ограничений одновременно. Так, техника, является субъективным, внешним, материальным, вещным и качественно-количественным социальным ограничением. По преимуществу субъективным социальным ограничением, ибо она всё же зависит от человека, но может и объективизироваться, в случае добровольного подчинения ей, количественным и качественным, так как отдельные её единицы могут быть однородны и поддаются счёту и измерению, но могут иметь разные свойства и форму, то есть разное качество. Как видно, классификация конкретного социального ограничения является делом не совсем простым, но вполне осуществимым. Подобная классификация позволяет связать любое конкретное социальное ограничение с абстрактной системой философских категорий в целях его лучшего понимания и выявления его взаимосвязи с другими социальными ограничениями.

Список литературы

1. Лосский Н.О. Избранное. М., 1991, с. 340-341.
2. Жмарёв Н.В. Системный подход и целевое управление в спорте. К., 1984, с.7.
3. Паршев А.П. Почему Россия не Америка? М., 2000.
4. Вольтман Л. Политическая антропология. М., 2000; Лоренц К. Агрессия. М., 1994.
5. Диденко Б.А. Цивилизация каннибалов. М., 1999, с. 73-74.
6. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924.
7. Мёртвая вода. М., 1998, Ч.1, с. 106-107.
8. Аргуэльес Х. Зов Пакаль Вотана. Время – четвёртое измерение. М., 2001, с.11.
9. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993.
10. Вышеславцев Б.П. Соч. М., 1995, с.156.
11. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998, с. 42.
12. Генон Р. Царство количества и знамения времени. М., 1994, с. 21.
13. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000, с. 532-542.
14. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1998, с. 201.
15. Уилсон Р.А. Психология эволюции. Киев, 1999, с. 148.
16. Новая постиндустриальная волна. М., 1999, с. 459.
17. Библия – Новый Завет. М., 2002, с. 6-7.

Михайлів В.В. Базові форми соціальних обмежень

Стаття зображує основні форми соціальних обмежень, відбувається спроба їх класифікації та розглядається їх вплив на інтелекцію та її розвиток у суспільстві.

Ключові слова: інтелекція, можливості, дійсність, категорія.

Mihaylov V. The base forms of social limitation

The article describe the main form of social limitation, in which taking place attempt of it's classification and looking for the influence on intelligent and development in society.

Keywords: intelligentsia, capabilities, reality, category.

Поступило в редакцию 26.05.2008